

Ее мягкие шаги были едва слышны, когда она на цыпочках спускалась по деревянной лестнице, ведущей на второй этаж, где находились комнаты ее и Адама. Ночь тяжело опустилась на дом Уиндсли, подавляя эмоции и удушая правду. Все казалось неправильным. От всего этого веяло пугающим холодом, и как Джессика ни ворочалась с боку на бок, ей никак не удавалось заснуть, эта квазисмерть, к которой она так стремилась, постоянно оставалась вне ее досягаемости, и, не в силах вынести ее, она вдруг обнаружила, что покидает фальшивый уют своей комнаты и ищет убежища внизу.

Снаружи ярко светила луна, тысячи видящих звезд проглядывали даже сквозь густой туман, который лежал вокруг города, словно воплощение тревоги и страха, которые переполняли души всех бедных страдающих душ там, внизу. Как могла Луна светить так ярко, учитывая то, что произошло ранее в тот день, что открыло ей путь в это измерение из какого-то другого места, где процветали монстры, как мясник, разрезающий грудную клетку все еще живой свиньи и выпускающий внутренности наружу.

Джессика вздохнула, увидев такое веселое, блестящее зрелище, и наконец спустилась вниз. Она не могла расслышать ничего особенного, но в ту же секунду, как ступила на первый этаж, она поняла, что была не одна. Но это ее не удивило. Весь дом ощущал беспокойство, неуверенность. А прямо за углом, сидя в темноте и пустоте, Джон сидел на диване, его глаза смотрели прямо перед собой в пустоту, как будто она должна была распутаться, раскрывая истину дела. Не было никаких истин.

Он обернулся, когда Джессика уже с минуту смотрела на него из коридора. Он ничего не сказал ей, но кивнул. Джессика все поняла и медленно, почти осторожно, стараясь не издавать ни звука, двигалась по комнате, как призрак.

Сев, она повернулась к нему, а он-к ней. Этот вопрос преследовал их обоих, но никто не осмеливался задать его. Джессика была уверена, что это Адам, а Джон - что нет. И все же каким-то образом они были связаны друг с другом. Они понимали позицию другого и не могли спорить с ним. В конце концов, их разногласия заключались не в фактах, а в чувствах. Джон хотел быть первым, чтобы говорить.

- ...Я не мог заснуть, - пробормотал Джон, решив пока не касаться сути дела, и хотя он сказал Это довольно тихо, в безмятежном, неестественном спокойствии ночи, это было достаточно громко.

- Сомневаюсь, что многие смогут сегодня, - сухо ответила Джессика, и в ее голосе прозвучало больше зрелости, чем она имела на это право. Джон застонал, не выдержав напряжения.

- Я не думаю, что он Адам, и я поддерживаю это... - пауза, - но, поскольку я уважаю твое мнение, и ... ну, он еще не сделал ничего странного, я ... я позволю ему остаться. Но если он когда-нибудь сделает что-то слишком странное...

Джессика поняла скрытую угрозу. Джон обычно был кротким человеком, но он не был дураком.

- Я надеюсь, что ты станешь лучше понимать мое мнение, - вежливо сказала Джессика. Воздух был напряжен, и почему-то ни один из них не чувствовал себя в своей тарелке, но учитывая все происходящее, это было неудивительно. Они чувствовали себя чужими в собственном доме.

- Кроме этого, я... я не знаю. Он все еще будет ходить в школу? Как насчет тренировок по футболу и боксу? Что в нем изменилось, а что нет? Я просто не знаю достаточно, я не могу собрать это воедино, - сокрушался Джон, его нежное лицо исказилось в редкой форме

разочарования. Джессика не видела его таким эмоциональным с тех пор, как ... как умерла ее мама. С тех пор Джон был спокойным, неприязненным человеком, только каждый взрыв гнева был вызван чем-то, что действительно оправдывало этот гнев. Сегодня, учитывая то, как он вел себя с Адамом... она не была уверена, что это так уж оправданно.

- Это мы еще посмотрим. Я ... я тоже не знаю, - призналась Джессика, обхватив голову руками. Они могли что-нибудь сделать? То, как он смотрел на нее перед ужином... у нее до сих пор мурашки бегали по спине. Эти его почти человеческие глаза. Но ведь это был Адам! В этом она была уверена. То, как его руки обнимали ее, то, как их слезы смешивались... возможно, он и не очень походил на Адама, но его эмоции выдавали его личность лучше, чем любой ДНК-тест.

Как бы то ни было, их семья победит. Это было необходимо. А если нет ... Джессика не могла вынести даже этой мысли. Они справятся сами. Они заставят этого человека вспомнить, кем он был, превратят его в того, кем он себя называет, и если он не захочет, тогда... им придется изменить свое восприятие того, кем был Адам. Она надеялась, что они смогут пройти через первое, но если Адам окажется более упрямым, чем раньше...

Она вздохнула, откинувшись на спинку дивана, как будто надеялась, что он проглотит ее и никогда больше не выплюнет обратно, но этого не произошло. Он выглядел усталым. Мешки под глазами у него отяжелели, а голубые глаза были окружены темными кругами. Его слегка седеющие светлые волосы были в беспорядке, и в целом, он казался почти готовым упасть в обморок от переутомления. Но, к сожалению, сладостное освобождение от сна не встретит его, во всяком случае, в эту ночь. Ни с Джессикой, ни с Адамом, ни с большей частью города, если уж на то пошло.

Город, хотя и был безмолвен, но это была скорее зловещая тишина, чем спокойствие. Более религиозные горожане были заняты написанием статей, молитвами и поклонением своему избранному божеству любым возможным способом, полагая, что гигантское чудовище в небе было либо демоном, вырвавшимся из пределов Ада, воплощением Божьего гнева, либо какой-то комбинацией того и другого. Даже нерелигиозные люди вдруг обнаруживали, что молятся какому-то неопределенному агностическому Богу, и их молитвы звучали неуверенными, хриплыми голосами, полными сомнения. Дети спрашивали своих родителей, а родители сомневались в их существовании. Единственными, кто казался хоть немного счастливым, были те, кто верил в Летающего Макаронного Монстра, но даже они сомневались, что существо в небе было их господином и спасителем. В конце концов, он не обладал никакими сверхъестественными качествами. Очень подозрительный.

Джессика еще раз вздохнула и встала, ее пышные бедра слегка покачивались в сонном, но бодрствующем состоянии. Джон взглянул на нее, не в силах заставить себя что-либо сказать. Она оглянулась на него, прежде чем вернуться в свою комнату.

- Что бы ни случилось, мы все равно останемся семьей, верно?- спросила она, и на ее губах появилась легкая улыбка. Джон одарил ее отеческой улыбкой.

- Конечно, - ответил он. Джессика вернулась в свою комнату, но все еще не могла заснуть. Джон был в таком же положении, но остался внизу. А через несколько часов солнце взошло над неспящим городом, разбудив спящих и заставив их жалобно стонать и думать о том, чтобы взять выходной. Но большинство - нет.